

С.И. БОБЫЛЕВА, Т. Л. ПЕТРОВА УДК 94(477) – 286.12 «1941-1945»

НЕМЕЦКО-МЕННОНИТСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ ЮГА УКРАИНЫ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ

В статье рассматриваются проблемы деформации мировосприятия немецким населением Украины процессов внутривосточной жизни кануна Великой Отечественной войны, психологического состояния этих категорий населения в годы оккупации.

Ключевые слова: немцы, фольксдойч, оккупанты, репрессии, психологическое состояние.

У статті розглядаються проблеми деформації світосприйняття німецьким населенням України процесів внутрішньополітичного життя передодня Великої Вітчизняної війни, психологічного стану цих категорій населення в роки окупації.

Ключеві слова: німці, фольксдойч, окупанти, репресії, психологічний стан.

The problems of deformation worldview German population, domestic political processes in Ukraine on the eve of World War II, the psychological state of these groups during the occupation are determined.

Key words: Germans, Folksdeutsch, occupiers, repression, psychological state.

Все мы являемся свидетелями процесса заполнения пустых (вымаранных) страниц истории российских немцев. И если тема «Немцы Российской империи» получила достаточно емкое освещение (хотя в ней наличествуют еще лакуны), то судьбы этнических немцев СССР, особенно периода оккупации, по-прежнему недостаточно изучены. Такое положение обусловлено целым рядом причин. Отметим лишь некоторые из них: 1. Изучение этого вопроса в послевоенный период было невозможно в силу политической ситуации, существовавшей в стране. 2. Немецкое население, в частности, Украины, находившееся в зоне оккупации и вывезенное осенью 1943 г. в Германию, после разгрома фашизма было репатриировано в Сибирь, на Север и позже ему было запрещено возвращаться на места своего бывшего проживания, т.е. оно не могло дать информативный материал исследователям,

если бы даже такие выявились. 3. Возвращавшиеся в 70-е годы прошлого века в Украину этнические немцы в силу возрастных характеристик ныне либо выехали в Германию, либо отошли в мир иной. Тем ценнее те немногие воспоминания свидетелей и участников военного лихолетья. 4. Объем документов архивов о состоянии немецкого населения на оккупированной территории крайне мал. Более того, он не в силах помочь исследователям реконструировать психологическое состояние населения, оказавшегося в оккупации. 5. По настоящее время сказываются прежние стереотипы, сложившиеся чаще всего под влиянием пропаганды или оценок ряда авторов, возникших в результате анализа фрагментарных данных. Однако даже самая искусная пропаганда рано или поздно мертва. За душу берет лишь прямой

честный разговор, заставляющий воспринимать историю как часть своей собственной биографии.

Ныне появились ряд воспоминаний участников тех трагических лет. Они лишены романтического флера и в сочетании с доступными архивными документами, материалами прессы периода оккупации Николаевской, Херсонской, Запорожской и Днепропетровской областей, данными команды Штумппа, приведенными к книге Рихарда Вальта «Обломки истории. Российские немцы между Сталиным и Гитлером», информацией 146 украинских и немецких респондентов 34 сел Украины, полученной в ходе историко-этнографических экспедиций сотрудников Института украинско-немецких исследований Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара, дают возможность попытаться реконструировать психологическое состояние немецкого населения Украины в период фашистской оккупации.

Война – это катастрофа, хаос, абсурд, укорененный не в человеке и не в мире, а в их совместном существовании, настаивал Камю. В связи с этим качества личности приобретают определяющее значение. О них следует судить не в период исключительных ситуаций, т.е. не в «минуты роковые», а в течение обыденности, которую А. П. Чехов считал главной сферой человеческой жизни. Однако для населения нашей страны, в частности, для немецкого населения, речь может идти не о драме в жизни, а о драме самой жизни, ее неотвратимого движения.

Большая часть немецкого населения Украины проживала в сельской местности. Проблему реконструкции его состояния следует рассматривать с учетом ментальности сельского населения, которая направлена на поддержание устойчивого уклада. Однако эти постулаты не соответствовали жизни светской деревни. В ней ритмы природы аграрных работ, обычаи, которые, казалось, существовали вечно,

были многократно взорваны титаническими сдвигами землеустроительных компаний, нэпом, коллективизацией, репрессиями. Все это влияло на сельских жителей, сказываясь на характерных чертах немецкого населения, на его ментальности. Если ранее о немце писали: «в поведении – прост, в еде – славен, в нраве – ласков, в совете – тверд, в науке – знаток, в услугах – верен...»¹, то со временем психологи стали делать акцент на иных чертах характера немцев (честность, домовитость, законопослушность, прилежание, чистоплотность, бережливость, флегматичность, холодная рассудительность, выдержанность, педантичность, методичность, терпение, добросовестность, мужественная стойкость в борьбе)². Если абстрагироваться от этих определений, то перед нами представится некий архетип немца. Увы... В действительности все было гораздо сложнее и не так однозначно. Дело в том, что на менталитет немцев серьезное влияние оказывала ситуация свой-чужой»³. Российский немец был чужим. Недаром Д. Нойтац отмечал, что причерноморское немцы в начале XX века жили не с украинским или русским населением, а рядом с ними. Эта чужеродность не исчезла с приходом советской власти. Социальные и экономические процессы 20-х-30-х гг. порождали политический миф о «золотом веке» немцев в годы царизма. Это была своеобразная компенсация за условия существования»⁴.

Провозглашая интернационализм, советская власть многократно проявляла свою не только социальную, но и национальную избирательность. В такой ситуации менялась не только социальная система, шкала нравственных ценностей, менялся менталитет немцев, который закладывается всей системой воспитания. Психологи, социологи создали сотни томов, содержащих анализ факторов, влияющих на состояние психологии восприятия происходящего. Огромную роль в них играла «власть», ее отношение к личности, к массе.

Этот процесс имел не только прямую, но и обратную связь. Альфред Шюц – один из основоположников феноменологической социологии, обращал особое внимание на биографическую ситуацию индивида, обозначающую целый ряд терминант, т.е. его позиция в обществе, определяется временем и обстоятельствами рождения, воспитания, религиозными и идеологическими воздействиями⁵, социально-политическими процессами, имеющими непосредственное отношение к личности (индивиду). В тоже время личность испытывает воздействие не только социальных и исторических условий, но и этнической среды, в рамках которой проходит ее жизнедеятельность» (в нашем случае речь идет о немецком этносе Украины). Индивид принадлежит к определенной этнической массе, что приводит к повышению эмоциональной восприимчивости всего, что он видит и слышит (Г. Лебон).

Национальная политика советского государства, громогласно провозглашая интернационализацию, сочетаемую с коренизацией, на самом деле объективно способствовала этнической идентификации личности, отождествляющей себя с определенной (в данном случае с немецкой) этнической общностью⁶. Кроме того, немецкое население колоний межвоенного периода становилось объектом психосоциальной идентичности, что являлось результатом взаимодействия между обществом и личностью. И здесь имели место проявления кризиса личной идентичности, что являлось результатом стремительно шедших в стране социальных преобразований: речь идет о немецкой общности, которая не столько под влиянием объективных факторов, сколько в силу субъективных процессов, социально расслаивалась на кулачество и бедняцко-средняцкое население, на верующих и безбожников, на пассивных и активных, на беспартийных и членов партии, комсомольцев и т.д. Была нарушена триада: «Kircha, Kuche, Kinder» и немецкая

женщина активно вовлекалась в общественную жизнь. Советская власть уделяла этому особое внимание. Большие усилия были предприняты в деле обработки сознания детей и юношества (антирелигиозная работа, политико-воспитательная работа в школах, избах читальнях, клубах, целенаправленная работа радио и кинопропаганда⁷. Шел процесс воспитания советского немца. И надо признать, что он был достаточно успешен⁸. Канун войны для немецкой деревни был характерен рядом явлений, которые свидетельствуют об этом и косвенно подтверждают наличие психологических изменений у части немецкого населения: утверждение колхозного строя, увеличение оплаты на трудодни, функционирование системы школьного образования, фактическая ликвидация безграмотности, проведение в колониях широкой культурно-просветительной работы, свои национальные кадры учителей, медиков, агрономов, рост числа членов партии, комсомольцев, пионеров, передовиков производства, орденосцев, активное проведение советских праздников.

Однако все было не так благостно. Уже во второй половине 20-х годов среди немцев Украины 11,1% были лишены избирательных прав как «непролетарские элементы». Начавшийся процесс коллективизации с его раскулачиванием, выселением и ссылками в Сибирь и на Север крайне болезненно сказался на положении населения немецких колоний, которое не могло в одночасье изменить жизненный уклад, морально-этические нормы поведения. Этим и было обусловлено принятие 20 марта 1929 г. постановления ЦК КП(б)У «Про экономическую, культурную, советскую и партийную работу в немецких селах Украины». Формы и методы реализации его хорошо прослеживаются на материалах Люксембургского района, где в конце 1929 г. были коллективизированы 24% крестьянских хозяйств, а дальше даты и проценты выстраиваются в следующий ряд:

октябрь 1930 г. – 54%, декабрь 1930 г. – 76%, конец 1931 г. – 95,5%. При этом были раскулачены 166 крестьянских хозяйств⁹.

В целом по Украине тысячи немецких семей оказались высланными¹⁰. Все крестьянство испытало на себе голод 1932-1933 годов, с его страданиями, болезнями, смертями, увидело, что власть проявила преступное поведение по отношению к своим гражданам. Более того, лица, занимавшиеся самопомощью с целью выживания, были обвинены в связях с фашистами или в самом фашизме и подвергнуты репрессиям¹¹. Был нанесен страшный удар по самой духовности немцев и дело не ограничилось действиями «Союза безбожников» и грубой атеистической пропагандой, особенно в школе. Речь шла о закрытии церквей, молитвенных домов. Иллюстрацией происходившего могут служить события, имевшие место в Крыму. Там за период с 1924 по 1938 годы было ликвидировано 156 культовых учреждений, из них 12 лютеранских кирх¹². Уничтожались не только религиозные заведения, но шел планомерный процесс истребления служителей религиозных культов¹³. Так, только в 1937 г. по всей Украине было арестовано 1474 священника¹⁴. Аресты и физическое уничтожение священнослужителей подрывали духовную и национально-культурную опору немцев и меннонитов. В совокупности с мероприятиями НКВД по борьбе с «фашистами», проведением «немецкой кампании» 1937-1938 гг., когда вследствие арестов во многих селах почти не оставалось взрослого мужского немецкого населения¹⁵, антинемецкими действиями властей ликвидировавших национальные немецкие районы, изменениями в языковой политике и разработкой планов по почти поголовной депортации немцев уже в 1939 году, становится очевидным, что все это сказывалось на поведении, настроениях, психике населения немецкой деревни. В процессе творимого властью беззакония в отношении немцев у последних,

естественно, стали проявляться кризисы личной идентичности (Э. Эриксон). Немцы и меннониты осознавали свою принадлежность к сонму преследуемых. Возникал когнитивный компонент социальной идентичности – сравнивали свое социальное, политическое положение с рядом живущими украинцами и это порождало эмоциональную составляющую, определяя поведение немцев. Однако в условиях политического, национального насилия власти эти факторы носили глубоко скрытый характер. Их проявление ждало своего времени. Им стал период оккупации.

Планы нацистов в отношении территориальных приобретений на Востоке. Место в этих планах этнических немцев.

Фашистская Германия, ведя подготовку к большой войне, выдвигала лозунг единения всех немцев. Безусловно, гитлеровцы брали в расчет и этнических немцев стран, которые им предстояло завоевать. В первую очередь это касалось разведывательно-диверсионной работы. Что же касается СССР, то здесь с середины 30-х годов в политике по отношению к этническим немцам, как и к германским гражданам, находившимся в те годы на территории страны, наметились явные изменения. В отношении последних ужесточался контроль за перемещением по стране, сокращалось транспортное сообщение с границей, закрывались консульства, осуществлялась политика изоляционизма. Все это вызывало желание многих германских специалистов возвратиться в Германию. Там в 1934 году был создан Имперский союз репатриантов из СССР, переименованный в 1935 году в Исследовательский центр немецких репатриантов из Советского Союза. Его целью было не только проверка политической благонадежности прибывающих, но и сбор информации о Союзе: настроении населения, состоянии экономики. Усилился интерес к этим лицам со стороны имперского военного министерства, руководства имперского

военно-морского и военно-воздушного флота. Как подчеркивает немецкий исследователь К. Тышлер, репатрианты «зачастую становились для них единственными источниками информации по военным вопросам, касавшимся СССР»¹⁶. Эта цитата нами приведена для того, чтобы подчеркнуть надуманность мифа, созданного службами НКВД в те годы о широкой, судя по арестам и приговорам, всеохватывающей шпионской сети советских немцев, существующей в стране. Безусловно, со стороны Германии делались попытки как создать такую суть, так и проводить соответствующую идеологическую обработку немецкого населения СССР. Так, функционер Коммунистического союза молодежи Германии (естественно до ликвидации этой организации) Карл Бартель критиковал школьную политику первого нацистского министра внутренних дел и народного образования в правительстве Тюрингии Вильгельма Фрика за его распоряжение о пропагандистской обработке немецких детей, живущих за пределами Германии во время школьных занятий¹⁷.

Гитлеровский Абвер не смог создать в СССР разведывательную сеть подобно той, какая была создана в Турции, Финляндии¹⁸. Более того Карель писал: «Как обстояло с немецким шпионажем против России? Что знало немецкое руководство от секретной службы? Ответ в двух словах: очень мало!...»¹⁹. И дело было не только в особом патриотизме немцев СССР, который отторгал любые попытки называемой антисоветской пропаганды извне и тем более создание шпионско-диверсионных групп, сколь в систематически проводившихся властью репрессивных действий против немцев²⁰, памяти о последствиях 1918 года, когда антинемецкая пропаганда периода Первой мировой войны, породившая межнациональную неприязнь и вражду, пролонгированная событиями австро-немецкой оккупации 1918 года, нашла в 20-х годах выражение в украинофильских и

русофильских настроениях против немецкого населения, породив чувство страха последнего из-за боязни мести со стороны славянского населения²¹. Не следует сбрасывать со счетов и идеологическую работу с населением, шедший процесс его частичной советизации.

Таким образом, расчет фашистского руководства Германии на создание «пятой колонны» из числа этнических немцев, как это имело место в ряде европейских стран, не увенчался успехом. Тем не менее, присутствие на территории СССР, в том числе на Украине, значительного числа лиц немецкой национальности, бралось гитлеровцами в расчет. Их рассматривали как важный компонент при реализации плана «Ост» – широкой программы фашистской колонизации, онемечивания захваченных территорий²².

Проект Генерального плана «Ост» был создан по указанию Гимmlера. В его составлении непосредственное участие приняло Главное управление безопасности рейха, что уже само по себе свидетельствует об уровне предстоящих действий. Свою лепту в конкретизацию форм и методов реализации этого проекта внес министр по делам оккупированных восточных территорий Розенберг и отдел расовой политики НСДАП²³. Авторы проекта и службы, призванные его реализовать, видели сложность выполнения задания по освоению «жизненного пространства» в нехватке «чистокровных немцев переселенцев. В силу этого возрастала ценность «фольксдойче» уже проживавших на этих территориях, т.е. если «захват нового жизненного пространства на Востоке» должен был осуществиться вермахтом, то «его беспощадная германизация» могла быть осуществлена с помощью немцев СССР²⁴. Они, знающие лучше немцев рейха, ментальность местного населения, природные, региональные особенности хозяйственного развития своих регионов проживания, и в силу этого должны были

способствовать быстрому интегрированию новых пространств в сферу экономических и политических интересов Германии. Кроме этого, фольксдойче, как люди имеющие опыт многолетних контактов с «недочеловеками», были, по мнению руководства Германии, способны организовать их для производительного труда. И, наконец, с их помощью рассчитывали создать гражданскую администрацию, которая, совместно с воинскими частями, взяла бы под контроль все оккупированные земли. Недаром Гитлер писал: «... Чтобы народ мог обеспечить себе подлинную свободу существования, ему нужна достаточно большая территория...»²⁵.

Что же касается отношения немецкого населения Украины к Германии в 30-е годы прошлого века, то следует брать во внимание следующее. Определенная его часть имела родственников в Германии, находилась с ними в переписке, но мысль о том, что Германия для них является «Отчим домом» если и посещала кого то, то число этих лиц было невелико. Слишком долго они прожили уже в России, здесь покоились их предки, да и сами они уже корнями вросли в землю «малой родины».

С приходом фашистов в Германии к власти резко изменилась политика советской власти к этой стране, и все имевшиеся контакты были прерваны. Действия благотворительных организаций Германии, как и официальных представителей этого государства, на территории СССР по оказанию помощи голодающему населению, рассматривалось исключительно лишь с одной позиции – как фашистская пропаганда. Лица, получавшие подобную помощь из Германии, как и организующие эту помощь, обвинялись в «фашизме» и подвергались наказаниям²⁶. В ноябре 1934 г. ЦК ВКП(б) в телеграмме, разосланной во все партийные органы, потребовало прекращения каких-либо связей немецкого населения с немецкими «буржуазно-фашистскими организациями. Нарушившим это запрещение грозили

репрессии – вплоть до расстрела²⁷. В такой ситуации сами немцы Украины порывали всякие связи с зарубежными родственниками из страха быть обвиненными и репрессированными. Такая ситуация сохранялась вплоть до 1939 года. Затем вновь произошло резкое изменение внешнеполитического курса власти и вместо обличения фашизма, Гитлера, средства массовой пропаганды стали вещать о советско-германской дружбе, о чуть ли не боевом содружестве, результатом которого стало уничтожение Польши. Как должно было реагировать сознание немецкого колхозника на подобные дипломатические метаморфозы? Сознание людей расщеплялось, оно лишалось какой-либо опоры для понимания внешнеполитических кульбитов советского руководства. Немецкий крестьянин видел выход для себя в том, чтобы «замкнуться», он боялся поделиться с кем-либо своими политическими сомнениями, ибо только что (1937-1938 гг.) молох репрессий опустошил семьи и села немцев. Он не знал, что будет завтра. А завтра была война! И вновь поворот политиков на 180 градусов.

Немецкое населения, как в общем-то и часть украинского, предчувствовало войну. Наш респондент Прокопенко Николай Афанасьевич, отец которого дружил с немецкими соседями, утверждал, что «немцы поговаривали о предстоящей войне и будущих порядках, когда не будет воров и будет дисциплина»²⁸ (Schondor-Ольгино).

Война началась. Но началась не с оккупации. Время до ее начала, поведение этнических немцев Украины, отношение украинского населения к ним до прихода фашистов в бывшие немецкие колонии, позволяет оценить отношение жителей к происходящему. Так, Мирошниченко Владимир Павлович, которому в 1941 году было тринадцать лет, вспоминает, что гуляя июньской ночью со своими друзьями: Андреем, Карлом, Францем, Альбертом и Вальтером, они увидели как «небо горит». Дети позвали 70-летнюю бабушку Франца

и Карла. Она была верующая, библию читала. Посмотрела она: звездно, тихо, спокойно, тишина и говорит: «Дети, это будет кровопролитная война»²⁹. Понимание о грядущих бедах присутствовало у немцев среднего и старшего поколения. Герхард Вольтер вспоминает о реакции своей мамы на известие о начале войны: «Ну, теперь начнется! – горестно воскликнула она – опять мы будем во всем виноваты, как в ту войну, когда немцев из Волыни поголовно выселяли на восток...»³⁰. Мать Федора Эрнстовича Вехтера, сказала своему сыну: «... ты знаешь, сынок, русские все равно победят, немец не возьмет нас. Ты лучше иди с русскими...»³¹ (Neu-Cinlage – Ивановка). Что касается реакции молодежи на начало войны, то она тоже была своеобразной. «Несмотря на многочисленные злодеяния сталинского режима против граждан немецкой национальности, чувство патриотизма и возмущения агрессией охватило значительную часть немецкого населения», – отметил в одной из своих работ Аркадий Герман³². Кто-то шел в военкомат, записываться добровольцем в армию³³, будучи уверенным в том, что война будет кратковременной и непобедимая Красная Армия в два – три месяца разгромит агрессора. Кто-то внутренне замерев, ожидал исхода борьбы воюющих сторон. «... Население немецких сел... стремилось сохранить нейтралитет, участия в военных действиях ни на чьей стороне не принимать. Это была, как пишет Никитин В. И., выжидательная позиция, поскольку исход борьбы предопределить было трудно, а ошибка обошлась бы очень дорого»³⁴. Однако сохранить себя в этой «раковине самоизоляции» было практически невозможно. В условиях стремительного наступления войск вермахта началась эвакуация заводов, фабрик, художественных ценностей, сельскохозяйственной техники, скота. Эта волна охватила значительную часть мужского населения немецких сел. Для немцев она была началом волны

депортации. Ибо на восток направляли в основном мужчин, начиная с 16 летнего возраста. Затем началась депортация немецкого населения из прифронтовых территорий. Первыми жертвами стали немцы Крыма, выселение которых началось 18 августа 1941 года согласно Директиве ставки ВГК № 00931 Главнокомандующему войсками Юго-западного направления. Одно из его положений гласило: «очистить немедленно территорию полуострова от местных жителей – немцев и других антисоветских элементов». Такая формулировка зачисляла все немецкое население в категорию антисоветских с вытекающими отсюда последствиями.

31 августа 1941 г. было издано постановление о немцах, проживающих на территории Украинской ССР, исходя из которого органам НКВД поручалось: «... 1) немцев, состоящих на учете, как антисоветский элемент, арестовать, 2) остальную часть трудоспособного мужского населения в возрасте от 16 до 60 лет НКО мобилизовать в строительные батальоны НКВД для использования в восточных областях СССР»³⁵. Это постановление по объективным причинам (наступление вермахта) было выполнено лишь частично. Тем не менее, 18.600 чел., сформированные в 13 строительных батальонов были направлены на восток и с сентября 1941 года начали работать. С них фактически начала существовать трудовая армия военной поры³⁶. На территории Украины депортировать все немецкое население, списки которого были подготовлены, по мнению Вольтера, И. Фляйхховского³⁷, было практически невозможно из-за стремительно продвигавшегося на восток фронта.

Проводя выселение, фактически насильственное (подтверждение этому имеются в документах), власть, очевидно, осознавая всю незаконность происходящего, именовало этот процесс как переселение. О насильственном характере вывоза на восток немцев свидетельствуют следующие данные. 23 сентября 1941 г. был

издан Приказ № 001354 Наркома Внутренних дел Союза ССР о мероприятиях по проведению операции по переселению немцев из Запорожской, Сталинской и Ворошиловградской областей УССР. Фактически, это была военная операция, ибо в ней были задействованы в Запорожской обл. 300 сотрудников НКВД, 1.500 работников милиции, 2.500 красноармейцев; в Сталинской обл. – 250 сотрудников НКВД, 1.000 работников милиции, 2000 красноармейцев; в Ворошиловградской обл. – 50 сотрудников НКВД, 200 работников милиции, 300 красноармейцев. И эти силы были брошены на «переселение» немцев, в то время когда фронт как никогда нуждался в боеспособной живой силе. Далее в документе было обозначено, что «в случае возникновения волынок, антисоветских выступлений или вооруженных столкновений (ожидалось и такое) принимать решительные меры к их ликвидации. В случае отказа отдельных членов семейств, подлежащих переселению, выехать к месту расселения, таких лиц арестовывать и перевозить на места расселения в принудительном порядке»³⁸. Несмотря на секретность подобных приказов, происходившее становилось известным жителям немецких сил, безусловно, не добавляя у них чувства «любви» к властям.

По переписи 1939 г. на территории УССР проживало 392.458 немцев³⁹. Депортировать смогли часть населения. На территории рейхскомиссариата «Украина» по данным д-ра Айсфельда в конце 1941 г. проживало 163 тыс. этнических немцев⁴⁰. В Транснистрии проживало более 130 тыс.

Таким образом, с оккупацией Украины гитлеровцы получили в качестве объекта и субъекта своей политико-экономической работы около 300 тысяч этнических немцев. В Германии к началу войны не знали точного числа живущих в СССР этнических немцев, не имели ясного представления о их состоянии⁴¹. Что же касается отношения к ним, то оно достаточно точно нашло

отражение в фразе, оброненной А. Гитлером. «Вы заметили, что немцы, долго проживавшие в России, никогда больше не смогут быть немцами?»⁴².

Следует признать, что сами немцы Украины по-разному отнеслись к самому факту оккупации. Часть оставшихся в зоне оккупации немцев коммунистов, комсомольцев, сельских активистов возможно надеялись на то, что их национальность позволит им избежать гибели. Хотя и понимали, что эти надежды иллюзорны. Значительная часть немецкого населения, учитывая творимые бывшей властью беззакония предвоенных лет, дополненные событиями начального периода войны, была настроена на жизнь при новой власти. Косвенным подтверждением является то, что часть из них предпочла временно скрыться, дабы избежать выселения⁴³, когда немецкие войска подошли к Запорожью и начался спешный отход советских войск и беженцев, рядом с которыми двигались Хортицкие колонисты – последние, желая оказаться под немецкой оккупацией, сознательно пытались двигаться как можно медленнее⁴⁴.

Попытка реконструкции психологического состояния немцев Украины периода оккупации невозможна без рассмотрения вопросов отношения солдат вермахта, немцев рейха к своим соплеменникам. Следует учитывать когда, как и кто относился к немецкому населению Украины. На начальном этапе оккупации, когда происходило первое соприкосновение солдат вермахта с населением, наблюдалось удивление первых тем, что они вступали в села с немецкой планировкой, жилыми постройками, аналогичными тем, какие сохранились в ряде сельских местностей рейха, с людьми, знавшими немецкий язык и сохранившими национальные традиции и культуру. Солдаты, «опьяненные» легкой победой, встречей с соплеменниками, совершали действия, не соответствующие немецкой ментальности (порядок,

законопослушание). Так, в селе Петровка (бывшая колония Eigengzund) солдаты монтировкой сбили замок на дверях сельмага. Взяли себе, сопилки и предложили населению брать все товары. Набежало местное немецкое население. Брали мануфактуру, пудру, одеколон, соль, конфеты. Участвовали в этом и местные украинцы, эвакуированные, ехавшие через село. Немецкие солдаты ходили и смеялись, говорили: «Все ваше» (Из воспоминаний Мирошниченка Владимира Павловича, 1929 года рождения)⁴⁵.

Однако почти сразу же был начат процесс создания системы управления. Формировалось местное самоуправление, полиция. Оккупанты очень рассчитывали на поддержку местных немцев, особенно тех, чьи семьи были репрессированы. Действительно, в ходе обследования бывших немецких колоний были выявлены факты службы в полиции старостами, переводчиками этнических немцев. Их были десятки, сотни – если учесть, что в зоне оккупации на территории Украины оказались 486 населенных пунктов, где проживало немецкое население⁴⁶.

Оккупационные власти с первых дней своего пребывания занялись выявлением и арестом коммунистов, комсомольцев, сотрудников милиции, колхозных активистов. В этом помощь им оказывали как полицаи, так и семьи бывших репрессированных. И здесь фашисты осуществляли расправы без учета национального фактора. Так, в колонии Карлсруэ был расстрелян работник милиции Ландайс с женой и четырьмя детьми, активисты Варвара Шох, София Кекрнер, Цецилия Ильб. В Раштадте – коммунисты В. Бенскильментебель и И. Райхерт, в Рорбахе – Магда Каук⁴⁷, в Нижней Хортице Вибе, председатель сельсовета Гафор, председатель колхоза Г. Ремпель, председатель сельсовета А. Браун⁴⁸. И это список может быть многократно дополнен.

Проведя физическое уничтожение носителей советской идеологии, немецкие

власти стали заниматься вопросами политико-воспитательного характера. Им предстояла работа по искоренению большевистской идеологии, которая в некоторой степени «проникла в крестьянские семьи»⁴⁹. События межвоенного времени, о которых выше шла речь не могли не повлиять на этнопсихологические поведения населения в силу не только указанных причин, но и в результате размывания этнокультурной среды проживания (в немецких селах поселились украинцы), появившихся (уже не как исключение) межнациональных браков, что зачастую приводило к изменению языковой среды общения как взрослых, так и детей, утраты ряда элементов национально-культурных традиций и быта.

Ликвидация национальных районов и национальных школ, при наличии большой идеологической обработки немцев через радио, газеты, кино, школу – все это вело к определенной деформации этнического самосознания немцев, влияло на психику и, безусловно, сказывалось на всей последующей жизни их. Оккупационные власти понимали, что местное немецкое население было вынуждено психологически адаптироваться к советской среде обитания. И, оказавшись в новой ситуации, тем не менее, несло на себе следы советского прошлого. В силу этого, как пишет Рихард Вальт, они [фольксдойче] не всеми рассматривались равноценными немцами, ибо они «страдали пороками «большевистского воспитания»⁵⁰.

В то же время далеко не все разделяли подобную точку зрения. В начальный период оккупации, когда эмоциональное состояние немецкого населения Украины, спасенного войсками вермахта от депортации, превалировало над чувствами разума, их политический настрой был оценен как антисоветский. Это четко зафиксировано в справке политического отдела Канцелярии рейхсминистра оккупированных восточных областей: «Фольксдойче, проживающих в сельской местности, можно рассматривать,

как элемент, исключительно настроенный против большевиков»⁵¹.

Тем не менее, новой власти предстояло провести большую работу с немецким населением на захваченных землях, дабы оно смогло в полной мере ощутить свою немецкость. Однако власть сама не воспринимала их как единую этническую группу. Этим и была обусловлена политика этнической стратификации фольксдойче на три категории⁵². При этом чиновники германской администрации довольно скоро заявили, что немцы Украины довольно часто не соответствуют арийским стандартам⁵³ и в силу этого не всеми рассматривались равноценными немцами». Это впечатление «усиливалось еще и тем, что немецкое население не прекратило общения жившими с ними рядом и к евреям они обычно относились равнодушно. Показательным есть факт, что после вступления немецких войск местные немцы не приняли никаких мер против евреев; более того – они считали евреев людьми, которые не представляют никакой угрозы»⁵⁴.

Тем не менее, стратегические задачи рейха заставляли уделять этническим немцам определенное внимание, как в сфере экономической (продовольственное снабжение, повышенная оплата труда, трудоустройство, налогообложение), так и в политико-культурной жизни (открытие церквей, молитвенных домов, школ, создание лагерей для детей, учительских курсов, издание прессы для местного немецкого населения и т.д.).

Казалось бы, все это должно было быть с благодарностью воспринято фольксдойче и способствовать быстрой психолого-эмоциональной адаптации последних к новым условиям бытия. Однако многое из осуществляемого властью не устраивало немецкое население Украины. Прежде всего, речь шла о душевном их состоянии, в котором традиционно значительную роль играла религия. Казалось бы, оккупанты открыли церкви, но, как пишет Вальт Р. «...первые и самые длительные моменты

отчужденности живущих на Украине немцев по отношению к германской оккупационной власти восходят к безнравственным и циничным взглядам эсесовцев к их религии»⁵⁵. И если вначале священники вермахта справляли богослужения, крещения, конфирмации (свои священнослужители были уничтожены советской властью), то очень скоро представители СС стали заявлять, «что в настоящее время для фольксдойче закалка молодежи и молодых мужчин после работы, воскресными утрами важнее, чем благоверное слушание елейной болтовни попов. Наша религия, – говорили они, – национал-социалистическая идеология, в любом случае имеет абсолютное преимущество»⁵⁶. Представить себе состояние немца, сохранившего веру отцов, выдержавшего разгул антирелигиозного шабаша 20-х-30-х годов, разгром церковных общин, аресты и расстрелы своих пасторов довольно трудно. Его надежды на возрождение своей религиозной культуры разбивались вдребезги при соприкосновении с оккупационной действительностью. Местные немцы были поражены тем, что многие немецкие солдаты сторонились церкви и вместо того, чтобы по вечерам или по воскресеньям проводить время чтением Библии, молитвами или пением псалмов, спрашивали вина, пили и искали больше развлечений, чем размышлений»⁵⁷.

Более того, местных немцев высмеивали за их религиозность. Объяснение происходившего дано в статье Эльвиры Германовны Плесской⁵, где она отмечает трансформацию национальной идентичности не только этнических немцев, но и рейхсдойче, роль в этом созданной в Германии так называемой Новой немецкой церкви во главе с имперским епископом. Дело доходило до запрещения проведения в школе уроков вероучения. Ею приведено высказывание одного из пасторов по этому поводу: «Я никак не могу поверить, что они тут против религии... Ведь мы так

радовались, когда пришли немцы. А теперь они отбирают у нас веру. Ведь это точь-в-точь большевистский стиль»⁵⁹. Другими словами надежды этнических немцев в области религиозного возрождения не были полностью реализованы, и это серьезно сказывалось на их психологическом состоянии, восприятии всего происходившего. Следующим фактором, серьезно влияющим на сознание местных немцев, был оголтелый расизм фашистов. Немцы Украины, десятилетиями жившие в инонациональном окружении, позволявшие поселиться во времена царизма в свои колонии небольшому количеству украинского населения, а в межвоенный период в ходе административно-территориальных реформ утратившие окончательно многоэтничность своих сел, имели нормальные отношения со своими соседями. Они вместе работали, учились, отдыхали, заключали межнациональные браки, переставшие в те годы быть каким-то исключением. Эти отношения не были испорчены даже антинемецкой политикой советской власти 30-х годов, когда многих немцев арестовывали, обвинив в фашизме. Украинские соседи не отворачивались от них, они не становились изгоями в селах. И вот теперь новая власть делала все для того, чтобы противопоставить жителей (выселяя украинцев в бывшие еврейские поселения, передавая местным немцам высокопродуктивного скота украинцев, запрещая межэтнические браки и т.д.). Этим межэтнические отношения не ограничились.

Особое состояние немцев, глубоко верующих христиан, вызывала политика нацистов по уничтожению евреев и цыган. Так, дед Рихарда Вальта утверждал: «Тех, кто других убивал, в Библии всегда называли убийцами, а кто им помогает, тот тоже убийца и уже не настоящий немецкий человек»⁶⁰. И хотя немцы в своей массе без особого возмущения восприняли массовое уничтожение цыган и евреев, тем не менее, это была серьезная зарубка на

сознании фольксдойче. Некоторые из них, рискуя собственной жизнью, даже пытались спасти несчастных⁶¹. Иные, как дед Р. Вальта, позволял себе открыто заявлять немецким солдатам: «То, что вы тут делаете, не менее позорно, чем то, что делали большевики. Расстреляйте уж и меня заодно с ними! Это позор для Германии»⁶².

Проблемы нравственности, ее формирования всегда были объектом особого внимания церкви, школы у немцев. В годы советской власти ею занимались с позиций сталинской идеологии. От новой власти в плане образования ожидали многого: восстановления немецкой школы, возрождения немецкого языка, освобождения от идеологического догматизма.

Новая оккупационная власть уделяла особое внимание системе школьного образования. И следует не согласиться с мнением украинских исследователей М. В. Коваля и П. В. Медведка, утверждавших, что новые власти не очень надеялись на старшее поколение советских немцев, «... познавших на себе сильные действия большевистской пропаганды»⁶³, сделав ставку на воспитание нового поколения фольксдойче. Заниматься воспитанием или перевоспитанием взрослых людей надобности большой не было. Подавляющая часть немцев, оказавшихся в оккупации, не нуждались в дополнительных «уроках истории»: мужское население большей частью было уже вывезено со скотом и техникой на восток и в селах значительно преобладало женское население (Альт Шведендорфе муж. 75, жен. – 162; Мюльхаузендорфе – соответственно: 94 чел. и 95 чел.; Александерфельде: 76 чел и 172 чел.; Николайгале: 106 чел. и 164 чел.; Шенау: 57 чел. и 120 чел.⁶⁴. Ранее население подвергалось радикальной «чистке», вследствие чего многие немецкие семьи были лишены своих кормильцев. Это прекрасно иллюстрируют данные о количестве семей без отцов (Альтонау – 84,9%, Блюменфельд – 52,2%, Фишердорф –

78,1%, Фриденсфель – 75,8%, Хохфельд – 79% и т.д.)⁶⁵. Что же касается детей и молодежи, то здесь было большое поле деятельности. Поэтому задачами гитлеровцев было охватить все детские возрастные группы, подчинив их своему влиянию (создание дошкольных детских учреждений и приютов, детских лагерей народных школ для немецких детей, обучение в которых было строго обязательным). За нарушение этого постановления грозил штраф. Однако его выполнение было далеко не всегда возможным. И причин тому было несколько, среди них: а) нехватка педагогических кадров; б) уровень квалификации учителей фольксдойче, которые не могли в полном объеме обеспечить выполнение учебного плана всех предметов восьми лет обучения в народной школе; в) отсутствие необходимой учебной литературы (часть оставшейся не могла быть использована по политико-идеологическим соображениям); г) отсутствие у части немецких детей одежды, что делало невозможным посещение школ зимой. Влияло ли это на психологию местных немцев?

Да! Тем более, что в 30-е годы в СССР было построено много сельских школ, которые были обеспечены учебным материалом, учителями, выпускниками немецких педагогических техникумов, Одесского пединститута, пединститутов Запорожья, Днепропетровска, Николаева, института иностранных языков в Москве. Оборудование некоторых школ вызывало у оккупационных властей удивления. Но война разрушила многие школьные постройки, в ряде школьных помещений временно размещались военные. Новых учебников не было. Рейху было недосуг обеспечить оккупированную территорию не только учебниками, но и тетрадями. То, что удавалось доставить, явно не хватало для обеспечения нормального учебного процесса. Вызывают странные чувства авторы статьи «Політика нацистського режиму стосовно етнічних німців України»,

написавших: «Перед вступлением немецких войск советская власть уничтожила все книгохранилища, а вместе с ними и почти все школьные книги»⁶⁶. Речь в данном случае идет не о том, что в силу гуманности советский режим не мог этого сделать, а том, что отступление было столь стремительно, что уничтожить школьные учебники было некому. Кроме того, команда Штумппа не зафиксировала фактов преднамеренного уничтожения школьных библиотек⁶⁷. Напротив, документы пестрят сведениями об уничтожении оккупационными властями в школьных библиотеках политической литературы на русском языке. Если что и было сделано гитлеровцами позитивного в деле школьного образования, то это восстановление обучения на родном языке. В тоже время анализ состояния школ периода оккупации позволяет утверждать, что в целом система образования сделала шаг назад. Если в довоенный период в немецких селах наблюдаем формацию четырех классовых школ в семилетки (Гнаденталь, Нижняя Хортица, Штайфельд)⁶⁸, то с периодом оккупации связан процесс совершенно обратного порядка. Так, после 1941 г. в ряде сел вместо работавших там семилеток стали работать лишь четырехклассные школы (Блюменгарт, Фюрстенфельд, Иозефсталь, Клостендорф). Некоторые десятилетки были переведены в разряд семилетних школ или восьмилетних школ (Остервик, Тиге)⁶⁹. Если раньше взрослое население возмущалось навязываемой властью атеистической пропагандой, идеологической направленностью воспитательного процесса, то теперь оно встречалось в запрещением в ряде мест включать в программу уроки вероучения, «проведением в школах не менее агрессивной воспитательной работы, целью которой было воспитание в нацистском духе школьников, внушение им расистского мировоззрения. Этим объясняется тематика воспитательных бесед: «Ты должен разговаривать, думать и действовать по-немецки», создание

«Deutsche Jugend Ukraine», призывы к немецкой молодежи, типа: «... Фюрер считает вас будущим Германии. Помните, что вы немцы и быть молодым означает верить в победу и свое призвание к борьбе...»⁷⁰. Национал-социалистской идеологией были пропитаны все издававшиеся в период оккупации издания⁷¹, тираж которых был достаточно велик (1 млн. экз.).

Проблемы хозяйственного состояния местного немецкого населения также не отвечали их первоначальным надеждам. Столь ненавистные им колхозы не были распущены. Гитлеровцы учли эффективность этой структуры для систематического получения продовольствия столь необходимого вермахту и самому рейху. И хотя фольксдойче уверяли, что такая ситуация продиктована только условиями военного времени⁷², это мало утешало немцев, тем более, что война затягивалась. Пытаясь убедить фольксдойче в политической и экономической стабильности оккупационного режима, власти начали принимать заявки на погашение займа, предоставленного немцам Украины кайзеровской империей в 1918 году⁷³, решать вопросы материальной компенсации лицам, утратившим собственность в результате деятельности российских властей⁷⁴, вводить систему льготного налогообложения фольксдойче, решать вопросы продовольственного обеспечения их, социальной и административной защиты. Однако практически все вопросы упирались в ситуацию военного времени.

И, наконец, проблемы межнациональных отношений. Имеются десятки свидетельств того, что с началом оккупации отношения между украинским и немецким населением изменилось. Но практически отсутствуют данные, что они приняли враждебный характер. Речь, скорее всего, идет о том, что немцы в своей массе дистанцировались от украинцев. Это и не удивительно. Если в 30-е годы они являлись

дискриминируемым населением, то теперь новая власть пыталась придать им в глазах окружающих статус привилегированного слоя. Безусловно, такая ситуация не могла не сказываться на психологическом состоянии немцев. Особая ситуация в плане психологического состояния возникла в семьях, когда один из родителей не был немцем. Дети в этих семьях подвергались фактическому нравственно-психологическому разрыву. Кем они себя ощущали? Данные Штумппа свидетельствуют о том, что подобная ситуация носила далеко не единичный характер. Так, в Фишердорфе таких семей было 46, а детей 76, в Штайнфельде соответственно 15 и 23; Апостолово – 10 и 15; Эбенфельде – 31 и 57; Катеринентале – 20 и 43; Никополе – 90 и 133; Фризендорфе – 16 и 31; Хортице – 73 и 104; Бурвальде – 10 и 27; Айнлаге – 52 и 105; Остервике – 24 и 43; Синельникове – 82 и 155⁷⁵. Этот список может быть многократно продолжен. Однако сам по себе факт психологической раздвоенности, безусловно, имеет место и его не следует сбрасывать со счетов при анализе общей картины судеб фольксдойче в период оккупации.

Исследователями неоднократно отмечался факт более человеческого отношения фольксдойче-полицаяв (за исключением нескольких) к украинскому населению, чем украинских полицейских. С одной стороны, это можно объяснить тем, что последним нужно было особо доказывать свою лояльность новой власти, в то время как для первых это обеспечивалось самой национальностью. В то же время десятки конкретных случаев доброжелательного отношения немцев-колонистов к своим украинским соседям служит неопровержимым доказательством, во-первых, провала усилий оккупантов добиться полного разобщения поселения; во-вторых, сами немцы, даже находясь на службе в новой администрации, видели несправедливость, бесчеловечность новой власти и, фактически, своим поведением

(предупреждали об облавах, отправке в Германию молодежи, о возможности арестов) демонстрировали несогласие с политикой оккупационного режима. В условиях того времени и тех обстоятельств, в которых эти люди находились, это дорого стоило.

Подытоживая вышеизложенное, следует отметить следующее: 1. Немецкое население Украины, в течение длительного проживания на территории Российской империи и Советского Союза, при сохранении, несмотря на все превратности судьбы, своих этнонациональных, хозяйственных, бытовых, культурно-религиозных, языковых особенностей, фактически утратило восприятие Германии как Родины. На ментальном уровне территория проживания ими рассматривалась как «Малая Родина». 2. Национал-социалистическая идеология, активно пропагандируемая фашистами, не нашла широкого отклика в среде местного немецкого населения. Тем не менее, она влияла на психологическое состояние населения. В своем подавляющем большинстве они в период оккупации оказались «чужими среди своих». 3. Фактически сознание немецкого населения оказалось расщепленным, ибо сказывались десятилетия его обработки советской идеологией и активная, интенсивная работа средств пропаганды нацистов. 4. История эвакуации немецкого населения на Запад в 1943 г., как и история его репатриации в СССР, свидетельствуют о том, что оно не чувствовало себя ответственным за злодеяния, чинимые гитлеровцами. 5. Период оккупации был тяжелым временем для всего населения Украины, оказавшегося под пятой фашистов. Однако в психологическом плане для украинского населения все происходившее было гораздо однозначнее, чем для немцев. Последние действительно были особыми стратами населения, оказавшимися между двумя, как пишет Рихард Вальт, режимами: между Сталиным и Гитлером. И эта ситуация

оказала сильнейшее влияние на психологию немцев не только периода войны, но и в послевоенный период. 6. Изменение социально-политических условий жизни немецкого населения на протяжении первой половины XX века (антинемецкие кампании, революция, гражданская война, НЭП, коллективизация, «национальные операции» НКВД, война, оккупация, депортация, репатриация) – все это приводило его к необходимости постоянно адаптироваться к очередным условиям среды жизнедеятельности, а это, в конечном счете, сопровождалось частичной деформацией немецкой идентичности. Результатом чего стало нынешнее состояние немцев.

- 1 Вишленкова Е. Визуальное народоведение империи, или увидеть русского дано не каждому / Е. Вишленкова. – М., 2011. – С. 183.
- 2 Сухарев М., Сухарев В. Психология народов и наций. – Д.: Сталкер, 1997. – С. 216-217.
- 3 Касьянов К. О. О русском национальном характере / К. О. Касьянов. – М., 1994.
- 4 Квакин А.В. Архетип, ментальность и оппозиция «свой-чужой» в контексте истории Электронный ресурс. / А.В. Квакин. — <http://www.kvakin.ru/works06.htm> (24.10.2006); Бирлайн Дж. Параллельная мифология / Дж. Бирлайн // Миф и мифология в современной России. – М., 2000.
- 5 Ионин Л.Г. Альфред Шюцци социология повседневности / Л. Г. Ионин // Современная американская социология. – М., 1994. – С. 180.
- 6 <http://www.e-reading.org.ua/chapter.php/69387/53/Krlov-Psihologina.html>.
- 7 Вильт Х. Рихард. Обломки всемирной истории. Российские немцы между Сталиным и Гитлером / Х. Рихард Вальт. – С. 428-431.
- 8 Вольтер Г. А. Зона полного покоя: Российские немцы в годы войны и после нее / Свидетельства очевидцев / Издание 2-е, дополненное и исправленное / Под ред. В. Ф. Дизендорфа. – М., 1998. – С. 11.
- 9 Безносов А.И. Люксембургский немецкий национальный район // Немцы России: Энциклопедия. Т. 2. К-О. – М.: ЭРН, 2004. – С. 361-363.
- 10 Вальт Х. Рихард. Указ. Изд. – С. 373, 377.
- 11 З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – №2 (21), 2003.
- 12 Брошев В., Ретининг В. Боль и память крымских немцев (1941-2001 гг.) / В. Брошев, В. Ретининг. – Симферополь, 2002. – С. 104.
- 13 ЦГАГО Украины. – Ф. 1. Оп. 20, д. 6777, л. 49.

- 14 Рубльова Наталія. Репресії проти «церковників» і «сектантів» в УРСР, 1917-1929 рр. / З архівів ВУКК-ГПУ-НКВД-КГБ № 1, 2007. – С. 216.
- 15 Вальт Х. Рихард. Указ. Узд. – С. 395.
- 16 Тышлер К. Высылка немцев из Советского Союза в 30-е годы / Россия и Германия. Вып. 2. – М., 2001. – С. 207.
- 17 Ремер Клаус. Советский Союз в политических дискуссиях начала 30-х годов в Тюрингии / Клаус Ремер / Россия и Германия. – Вып. 4. – М., 2007. – С. 154.
- 18 Reile O. Geheime Ostfront / O. Reile.-Munchen, 1963. – S. 295.
- 19 Carell P. Unternehmen Barbarossa / P. Carell. – Frankfurt A. M., 1963. – S. 122.
- 20 Деннингхауз В. В тени «Большого Брата»: Западные национальные меньшинства в СССР (1917-1938 гг.) / В. Деннингхауз [пер. с нем. В. Деннингхауса; науч. ред. А. И. Савина]. – М., 2011. – С. 339-629.
- 21 Доклад Комиссии Всеукраинского ЦИК по обследованию положения меннонитов и немцев-колонистов в Екатеринославской и Донецкой губерниях от 12 июля 1924 г. РГАСПИ. – Ф. 17, оп. 84, д. 794, л. 48-60.
- 22 История второй мировой войны. 1939-1945 гг. – М., 1974. – Т. 3. – С. 228.
- 23 Фрай Норберт. Государство Фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия, 1933-1945 / Норберт Фрай. – М., 2009. – С. 131.
- 24 Dokumente zur deutschen Geschichte. 1933-1935. – В., 1977. – S. 24.
- 25 Гитлер Адольф «Моя Борьба»: <http://militra.lib.ru/docr/ww2/leaders/books/hitter/1/26.html>.
- 26 ЦГАО Украины. – Ф. 1, оп. 20, д. 6777, л. 49; З архівів ВУЧЕК-ГПУ-НКВД-ГБ. – К., 2003, № 2(21). – С. 282.
- 27 Возвращение памяти: историко-публицистических альманах. – Новосибирск, 1994. – С. 102-103.
- 28 Материалы историко-этнографической экспедиции Института украинско-немецких исторических исследований Днепропетровского национального университета им. Олеся Гончара / Институт украинско-немецких исторических исследований Днепропетровского национального университета // Текущий архив. – Далее: Материалы – 2002.
- 29 Там же. Вольтер Г. А. Зона полного покоя: Российские немцы в годы войны и после нее / Г. А. Вольтер // Свидетельства очевидцев / Издание 2-е, дополненное и исправленное. – М., 1998. – С. 32.
- 30 Вольтер Г. А. Зона полного покоя: Российские немцы в годы войны и после нее / Г. А. Вольтер // Свидетельства очевидцев / Издание 2-е, дополненное и исправленное. – М., 1998. – С. 32.
- 31 Материалы – 2002.
- 32 Мартыненко В. Л. К вопросу о характере и причинах сотрудничества этнических немцев с оккупационными властями на Украине в годы Второй мировой войны // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: Материалы XIII международной науч. конф. – Москва, 21-23 октября 2010 г. – М., 2011. – С. 171; Герман А. А., Курочкин А. Н. Немцы СССР в трудовой армии (1941-1945) / А. А. Герман, А. Н. Курочкин. – М., 1998. – С. 27.
- 33 Брошева В., Ренпенин В. Боль и память... С. 110.
- 34 Никитин В. И. Ожившая память поколений / В. И. Никитин. – Николаев, 2010. – С. 131.
- 35 ГАРФ. Ф. 9401, оп. 1, д. 35, л. 277-280.
- 36 Герман А. А. «Если останусь жив...» Жизнь и удивительные изломы судьбы российского немца Эдвина Гриба. – М., 2007. – С. 17.
- 37 Вольтер Г. А. Указ соч. – С. 33. Fleischhauer I. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion / I. Fleischhauer. – Stuttgart, 1983. – S. 104.
- 38 ГАРФ. Ф. 9479, оп. 1, д. 83, л. 3.
- 39 Лубянка. Сталин НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш», 1939 - март 1946: [архив Сталина, документы высших органов партийной и государственной власти] / Кол. Авт. Международный фонд «Демократия», Сост. Хаустов В. Н., Наумов В. П., Плотнокова Н. С. – М., 2006. – С. 314.
- 40 Айсфельд А. Великая Отечественная война 1941-1945 / А. Айсфельд // Немцы России: энциклопедия / Редкол.: В. Карев (председатель) и др. – М., 1999. – Т. 1. А-И. – С. 338.
- 41 Вальт Х. Рихард. Указ. Соч., с. 56.
- 42 Там же, с. 54. Hitler Tischgesprache 1934, in Rauschning, H.: Jesprahe mit Hitler, s. 125.
- 43 Fast J. Mennonites of the Ukraine under Stalin and Hitler / J. Fast // Mennonite Life. № 2. April, 1947. – P. 20.
- 44 Epp M. Women without Men, Mennonite Refugees of the Second World War / M. Epp. – Toronto: University of Toronto Press. 2000. – P. 27.
- 45 Материалы – 2002.
- 46 ЦГАВО. – Ф. 3206, оп. 6, д. 270, л. 4.
- 47 Никитин В. И. Ожившая память поколений... С. 131, 132; Калінічева І. Правовий статус та соціально-економічне становище етнічних німців у рейхскомісаріаті «Україна» / І. Калінічева // Вопросы германской истории. Сб. науч. тр. Т. 1. – Д., 2007. – С. 233.
- 48 Материалы – 2012; ГАДО. – Ф. 6478, оп. 1, д. 75946, л. 2.
- 49 Вальт Х. Рихард. Указ. Соч., с. 129.
- 50 Там же, с. 59.
- 51 ЦГАВО Украины. – Ф. КМФ-8, оп. 2, д. 570, л. 150.
- 52 Плесская Э. Г. Проблемы национальной идентичности немцев Причерноморья к началу и во время Второй мировой войны / Э. Г. Плесская // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков. – М., 2011. – С. 179.
- 53 ЦГАВО Украины. – Ф. 3206, оп. 6, д. 270, л. 4.
- 54 Де Лонг Л. Немецкая пятая колонна во Второй мировой войне / Л. Де Лонг. – М., 1958. – С. 358.
- 55 Вальт Х. Рихард. – Указ. соч., с. 253.
- 56 Там же. – С. 252.
- 57 Там же. – С. 270.
- 58 Плесская Э. Г. Указ. изд. – С. 184.
- 59 Там же.
- 60 Вальт Х. Рихард. Указ. соч. – С. 253.
- 61 Никитин В. И. Указ. соч. – С. 147-149.

- 62 Вальт Х. Рихард. Указ. соч. – С. 104.
63 Коваль М.В., Медведок П.В. Фольксдойче в Україні (1941-1944 рр.) / М. В. Коваль // УІЖ. – 1992. – № 5. – С. 24.
64 Вальт Х. Рихард. Указ. соч. – С. 399.
65 Там же. – С. 395-396.
66 Иванов О. Ф., Іваньков І. О. Політика нацистського режиму стосовно етнічних німців в Україні / О. Ф. Іванов, І. О. Іваньков // УІЖ. – 2005. – № 3. – С. 90.
67 Вальт Х. Рихард. Указ. соч. – С. 430, 431.
68 Там же. – С. 403, 404.
69 Там же.
70 Українська думка. – 1942 – 21 января.
71 Титаренко Д. М. Преса Східної України періоду німецько-фашистської окупації як історичне джерело (1941-1943 рр.): автореф. Дис. ... канд. іст. наук. – Дніпропетровськ, 2002. – С. 11.
72 ЦДАВО. – Ф. 3676, оп. 4, д. 4, л. 132.
73 Buchsweiler M. Volkscheusche in der Ukraine am Vorabend und Beginn des Zweiten Weltkriegs – ein Fall doppelter Tayatitat / M. Buchsweiler 1. Aufl. - Gerlingen, 1984. – S. 332.
74 Fleischhauer T. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetion / T. Fleischhauer. – 1983. – S. 82.
75 Вальт Х. Рихард. Указ. соч. – С. 393-394.